

УДК 1(091)

ЭРНСТ ЮНГЕР: ЗЕМЛЯ И МИФ

© И. Д. Колесников

Колесников Илья Дмитриевич
магистрант I курса
направления «Философия»
Саратовский государственный
университет
им. Н. Г. Чернышевского
e-mail: kolesnikovid@mail.ru

В статье рассматривается утверждение Эрнстом Юнгером нового способа истолкования мира — возвращение мифа. Любое истолкование исходит из стихий и проходит через человека, который не является субъектом. В отличие от Эрнста Бертрама и Фридриха Георга Юнгера, мифология Эрнста Юнгера совершенно иной формы — это наивное истолкование.

Ключевые слова: миф, смысл, земля, номос, греческие мифы, Прометей, консервативная революция.

Поэтически жительствоует человек
На этой земле...

Гёльдерлин

Хайдеггер в записях «К Эрнсту Юнгеру» (1936-1940 гг.) говорит следующее: «Jünger will die Freisetzung des Elementaren bzw. das Ja zu ihm, wie es jetzt ausbricht um wieder Urkräfte und Mutterboden zu finden. Die "Werte" und Ziele werden dem nachgeliefert — oder sind nur Ausschwitzungen der Urkräfte»¹. Предварительный перевод: «Юнгер желает высвобождения элементарного и соответственно Да к нему, как это теперь вырывается, чтобы вновь прийти к стихийным силам и Матери-земле. "Ценности" и цели становятся доставленными (за-данными) (nach-geliefert) — или суть лишь выделения стихийных сил».

В вопросе о существовании и истоке смысла Хайдеггер намечает две ведущие метафизические позиции: или ценности (смыслы) и цели прида-

¹ Heidegger M. Gesamtausgabe, Bd. 90: Zu Ernst Jünger / M. Heidegger. Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 2004. S. 15.

ны человеком («nach-geliefert» как даны-после, до-ставлены, до-сланы: ценности приписываются вещам, которые до оценивания «смысла не имели»), или же они исходят из самих стихий, ценности и смыслы заданы землёй.

Хайдеггером эти позиции противопоставлены, они составляют «или — или», в то время как Эрнст Юнгер вслед за Ницше² *видит* единство обеих. Человек становится тем *природным* существом, тем «сыном земли» и стихийных сил, который *оценивает*, «доставляет» смыслы; тем самым смысл доставляется не извне, но самой природой. В зрелые годы (1940-е) Юнгер противопоставляет природе технику (которая служит самопознанию человека: благодаря ей человек понимает, что он *не* есть), но в поздних письмах относительно своего эссе «Рабочий: господство и гештальт» (1934 г.) он говорит: «Рабочий — это титан и тем самым — сын Земли; он, как говорит Ницше, следует ее смыслу, причем даже там, где он, казалось бы, ее разрушает»³.

Этот ход мысли (созвучный Гёте⁴, говорившему, что человек действует согласно природе даже тогда, когда кажется, будто действует против неё) применяется Юнгером не только к действиям, но и к области смыслов: даже если они обращены *против* земли, то, тем не менее, даны человеку землёй, что означает их *согласие* с ней. Уже в относительно ранние годы творчества (эссе «Кровь», 1929 г.) Юнгер видит основание истолкования в жизни, а не в «оторванном» от неё разуме: «Явление дано, но только мощь и полнота крови устанавливают его ценность, делают его значительным, символическим и глубоким»⁵.

Не существует явлений, которые даны «нейтрально»: они даются жизнью (в предельно широком понимании — стихиями) и жизнью истолковываются (в предельно мощном проявлении — кровью). Все смыслы и все истолкования природны и заданы жизнью, и если кажутся оторванными от неё — то исходят из *нисходящей* жизни. Нисходящая жизнь и задала то истолкование, которое послужило причиной (и служит основным проявлением) нигилизма, господство которого Юнгер подтверждает в эссе «О боли» (1934 г.)⁶.

Перечислять все губительные проявления научного истолкования здесь не имеет смысла, но важно обратить внимание на две его особенности:

---

² Призыв Заратустры «Пусть сверхчеловек станет смыслом земли» вовлекается в игру, заложенную языком: смысл земли — и родительный падеж объекта, и родительный падеж субъекта: с одной стороны, сверхчеловек должен стать смыслом, ради которого земля, с другой, смыслом, исходящим из самой земли. Но дело в том, что для Ницше оба значения вбираются в одно. Сверхчеловек — новый смысл земли, и смысл этот устанавливает сама земля через своих сынов — людей.

³ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / пер. с нем. А. В. Михайловского. СПб. : Наука, 2000. С. 433.

⁴ См.: Гёте И. В. Избранные философские произведения / пер. с нем. А. И. Герцена. М. : Наука, 1964. С. 37–39.

⁵ Юнгер Э. Рискующее сердце / пер. с нем. В. Микушевича. СПб. : Владимир Даль, 2010. С. 284.

⁶ «Мы находимся в последней и причем чрезвычайно примечательной фазе нигилизма, которую знаменует то, что новые порядки уже продвинулись далеко вперед, а соответствующие этим порядкам ценности еще не стали видимы» (Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. С. 526).

I. Учитывая тягу «плебейского вкуса» к «канону истины извечно народного сенсуализма»⁷ (Ницше) осязаемого и наглядного, такое истолкование кажется естественным. Кажется, что проблема не так велика: ведь далеко не все посвящены в новейшие достижения науки, и обыватель с научными фактами зачастую и вовсе незнаком. Тем не менее, *даже если обыватель не знает, как наука объясняет некоторый феномен, он точно знает, что наука его объясняет*. В первую очередь наука даёт не знание о некотором явлении, но то сопровождаемое успокоенностью знание, что всем явлениям есть научное объяснение, все они вписаны в «картину мира».

II. Чему служит рациональное истолкование? Римские стоики с целью преодоления вещи (например, страха смерти) сводили её к фактичности, тем самым подрывая её — вещи — глубину. Но если у меня умрёт самый близкий человек, то никакие утешения разума мне не помогут. Альфред Кубин — друг Эрнста Юнгера — показывает абсурд таких объяснений в книге «Другая сторона». Когда жена главного героя умирает, знакомый парикмахер-философ на похоронах берёт его за руку и торжественно произносит: «В смерти субъект выходит на диагональ между пространством и временем, пусть вас это утешит!»⁸ Чему, если оно *не* помогает, служит подобного рода «истолкование»? Подобно тому, как — согласно ходу мысли Юнгера — сначала появляется фотографическое зрение, позволяющее изобрести фотоаппарат (не наоборот), так и здесь: сначала должно быть *уже* слепым по отношению к полноте вещи и глубине явления, чтобы такое истолкование обосновало уже данную слепоту рациональными доводами (лат. «ratio»: разум, основание, обоснование *post factum*).

Это истолкование привело к нигилизму, для преодоления которого необходимо новое истолкование — миф.

Мифология в XX в. обрела различную форму. С одной стороны, можно назвать Эрнста Бертрама, входившего в «круг Георга». Его книга «Ницше: опыт мифологии» манифестирует мифологическое отношение к миру: «Всё совершившееся становится образом, всё живое — легендой, всякая действительность — мифом»⁹. Обращаясь к мифу Ницше, Эрнст Бертрам не разоблачает его, но доверяет ему. Этот мир таков, что Ницше становится легендой, образом — зачем в таком случае разоблачать его? Любое разоблачение мифа основывается на слепоте по отношению к тому, что *облик вещи принадлежит ей*. Видимость (облик) — не ложна, она принадлежит вещи в той же мере, что и её сущность (если и вовсе не составляет эту сущность).

С другой стороны, возвращение мифа обрело иную форму в творчестве Фридриха Георга Юнгера — младшего брата Эрнста. Летом 1939 г. он заканчи-

⁷ Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / пер. с нем. Н. Н. Полилов, К. А. Свасьян. М. : Культурная Революция, 2012. С. 26.

⁸ Кубин А. Другая сторона / пер. с нем. К. Белокурова. М. ; Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2013. С. 139.

⁹ Бертрам Э. Ницше: опыт мифологии / пер. с нем. А. П. Шурбелёва. СПб. : Владимир Даль, 2013. С. 15.

вает работу над «Совершенством техники»¹⁰, в конце которой говорится о homo faber, прообразом которого служит Гефест — это исключение Олимпа. Фридрих Георг приводит строки из «Трудов и дней» Гесиода:

Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днём от труда и от горя¹¹.

Тип рабочего обрёл господство. В мире рабочего, чья метафизика — тотальная мобилизация, вещь становится предметом, затем значением, затем функцией¹², но значение не исчерпывает полноты вещи: «Когда перед нами предстаёт изображение каких-либо сил или какие-либо другие образы, мы сразу пытаемся постичь их значение, то есть сводим наше познание к понятиям. <...> Сущее не есть нечто скудное, предполагающее некое привнесение... чем больше значения оно *имеет*, тем меньше оно само *есть*»¹³.

Фридрих Георг находит выход: через несколько лет после «Совершенства техники» выходят в свет его «Греческие мифы» («Греческие боги» в 1943 г. и «Титаны» в 1944 г.). Сложно возвращать миф, говоря о нём — тем самым обходя его, — но можно говорить мифом, ведь миф — не представление, не мировоззрение: в древнегреческом μῦθος — слово, наряду с ἔπος и λόγος. Поэтому, когда Фридрих Георг излагает мифы Древней Греции — это также критика современной эпохи, также размышления о смыслах, но на ином языке. Критика современной эпохи, проводимая на языке метафизики, увязает: для полноты критики необходим уход от того языка, которым пользуется подлежащее критике. В качестве такого языка Фридрих Георг избрал древнегреческие мифы.

В иной форме возвращение мифа намечено Эрнстом Юнгером. Огонь, воздух, вода, земля — неотъемлемая основа его мышления, которое выделяет теллурическое и солярное начала. Предшественником мифологии этого рода является Ницше, чьи два начала — аполлоническое и дионисийское — послужили мощнейшей мифологемой философии в XX в.

Тем не менее основу мифологического¹⁴ зрения Юнгера составляют не только мифологемы: и в этом он отличен от Эрнста Бертрама и Фридриха Георга Юнгера. Мифическое оказывается шире: это не совокупность опреде-

¹⁰ Символично то обстоятельство, что тираж уже напечатанной книги в 1944 г. хранился в типографии во Фрейбурге, когда случайное попадание бомбы уничтожило склад со всем тиражом книги, критикующей слепой характер техники.

¹¹ Примечательно, что у Гесиода речь идёт не о золотом веке, но о золотом роде людей: «Χρῦσεον μὲν πρότερον γένος μερόπων ἀνθρώπων» (Hes. WD. 109). Не так, что время ухудшается, а люди остались теми же: *хуже становятся сами люди*.

¹² См.: Юнгер Ф. Г. Язык и мышление / пер. с нем. К. В. Лошевского. СПб. : Наука, 2005. — 300 с. Это превращение было замечено ещё Шпенглером в первом томе «Заката Европы»; оно — необходимое достояние фаустовской души, усматривающей во всём становление вместо присутствия (у души аполлонической).

¹³ Юнгер Ф. Г. Греческие мифы / пер. с нем. А. П. Шурбелёва. СПб. : Владимир Даль, 2006. С. 8–9.

¹⁴ Мифологии Эрнста Юнгера в таком смысле посвящено исследование Петера Козловски «Миф о Модерне»: Козловски П. Миф о модерне. Поэтическая философия Эрнста Юнгера / пер. с нем. М. Б. Корчагиной, Е. Л. Петренко и Н. Н. Трубниковой. М. : Республика, 2002. 239 с.

лённых образов, это усмотрение образа. Мифологическим является то видение, которое доверяет облику вещи, а не разоблачает её рассудком, и только тогда вещь предстанет в своей полноте, а явление — в своей глубине, и только тогда в единичном скажется Всеобщее, Всё. В случае Юнгера это можно назвать **наивным истолкованием** (не в том смысле, что оно является «недалёким», но в том же смысле, в каком Гомер — наивный поэт, поэт по наитию). Наивное истолкование не основывается ни на каких предпосылках, оно позволяет явлению говорить за себя.

Это можно видеть на следующем примере. Кирххорст, 2 мая 1945 г. Германия на грани поражения, Кирххорст заполонён оккупировавшими его союзниками: всюду чувство крушения. Дневниковая запись Юнгера в этот день начинается с того, что в саду цветут одичавшие белые нарциссы. Далее: «Крестьяне снова в поле, хотя у них расположились на постой пирующие орды. Но крестьянин с плугом, пашущий своё поле, в то время как по дорогам идут войска, представляет собой мощный образ неустанного хода»¹⁵.

Среди оккупации крестьянин выходит в поле — Юнгер видит в этом знак к спокойствию за неустанный ход вещей. Что происходит, когда крестьянин выходит в поле? Если смотреть на это со стороны фактичности, получится тавтология: «крестьянин *просто* выходит в поле». Крестьянин, выходящий в поле во время войны, — не факт, но образ, символ, в котором через единичное сказывается *Всё*.

Таким образом, встаёт вопрос о том, что делает мифологическое видение? Мифологическое видение не разделяется со словом, которое вмещает его, — таким образом, возвращение мифа есть требование иного языка. Говорение, вмещающее полноту, также обретало различные формы. В случае Хайдеггера — это возвращение к подлинному языку (не совсем к народному: к народу стремились немецкие романтики, у Хайдеггера этого нет; он возвращается к исконному языку). В случае Юнгера — предельная работа над стилем. Стиль Юнгера в «Сердце искателя приключений» (1939 г.) — единственно-возможная форма сказывания увиденного (его «фигуры и каприччо»). Когда Юнгер в дневниках записывает особенности языка — будь то оттенки согласных букв или первичность мощи существительных над глаголами, — он выявляет *мифическое* языка. Вещь обретает свою полноту в мифическом слове, то есть в том слове, которое несёт образ: это и есть *предельная* строгость языка.

Мифологическое видение всегда говорит со стороны порядка и всегда этот порядок обнаруживает (порядок в смысле греческого «κόσμος», красоты устройства). Отсюда любовь Эрнста и Фридриха Георга к физиогномике: обнаруживая типическое, она утверждает порядок мира. Когда Эрнст делает в своих дневниках заметку, что некто принадлежит к тому же типу, что и другой человек, он не стремится к психологическому господству над этим человеком: он просто подтверждает наличие типичного, повторяющегося. В этом отношении типическое в физиогномике покоится в столь же глубинных пластах духовного, как поэзия с её непрерывным возвратом и музыка с её ритмикой.

---

¹⁵ Юнгер Э. Годы оккупации / пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб. : Владимир Даль, 2007. С. 68.

Порядок, сказывающийся в мифическом, исходит из земли: он основан в номосе. Карл Шмитт возвращает слову «νόμος» утраченное значение. Его принято переводить как «закон», однако тогда возникает смешение значений, ведь слово «νόμος» значит также «установление, обычай, привычка» (в чём он приближается к ἔθος и ἥθος¹⁶). Понимание номоса обретает новое измерение, если обратиться к тому же слову, ударение в котором падает на последний слог — «νομός», что означает «пастбище, выгон¹⁷, местопребывание, обиталище».

Шмитт связывает это с земельными наделами: номос как изначальное распределение земли; в метафизическом и мифическом рассмотрении номос оказывается тем местом, в котором обитает человек, которое *отведено* человеку. Беззаконие всегда карается. Так или иначе, «задавать меру должен νόμος, а не постановление демократического народного собрания (ψήφισμα)»¹⁸.

Немецкий классический филолог Феликс Хайниманн в 1945 г. защитил диссертацию «Номос и фюсис»¹⁹, в которой рассматривается историчность понимания закона в античности. Софисты, противопоставляя природе (φύσις) положение (θέσις), приходят также к противопоставлению природы и номоса. Геродот дал возможность узнать примеры законов и обычаев других народов, в результате чего *свои* законы утратили прочность основания, ведь оказалось, что «бывает и иначе», чем воспользовался Гиппий, который в «Протагоре» (337 d) Платона говорит, что «закон, властвуя над людьми, принуждает ко многому, что противно природе»²⁰.

Один из учеников Анаксагора, Архелай, утверждал, что справедливое и безобразное существует «οὐ φύσει, ἀλλὰ νόμῳ»: «не по природе, а по установлению» (Diog. Laert. II, 16). Хайниманн видит в самом этом предложении то, что номос здесь противопоставляется природе («не по природе, а по установлению»: они *противопоставлены*). Тем не менее внимание должно обратить на то, что «по установлению» существуют *справедливое и безобразное, но не беззаконное и прекрасное*, которые существуют *по природе*. Что бы ни установило народное собрание (ψήφισμα) в качестве справедливого, беззаконие установлено им быть не может, беззаконие существует по природе, оно очевидно²¹, и что бы ни было признано безобразным, прекрасное установлено природой.

¹⁶ У Гесиода «νόμοι καὶ ἥθεα»; Пиндар: «νόμος πάντων βασιλεύς», «закон владыка всем».

¹⁷ Также в русском: слово «закон» фонетически схоже со словом «загон»; корень «кон» в «законе» тот же, что в прилагательном «исконный»: кон есть начало. Закон — из-начальная данность (по смыслу это близко к греческому αρχή: начало правит).

¹⁸ Шмитт К. Номос земли / пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 48.

¹⁹ См.: Heinemann F. Nomos und Physis: herkunft und Bedeutung einer Antithese im griechischen Denken des 5. Jahrhunderts / F. Heinemann. Verlag Friedrich Reinhardt, Basel, 1945. 221 S.

²⁰ Платон. Сочинения в четырёх томах. Т. 1 / пер. с нем. В. С. Соловьёва. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 231.

²¹ См. «Антигону» Софокла, где Креонт, отказавший телу Полиника в погребении, навлек на свой род проклятие богов, ибо учинил беззаконное. Беззаконники подвергаются божественному наказанию и у Гомера в «Одиссее» (пример с женихами Пенелопы).

Порядок рождён землёй, он не произволен, и мифическое сущностно принадлежит ему. Крестьянин, выходящий в поле во время войны, напоминает о номосе, он являет собой номос. Нигилизм являет собой временный этап обновления порядка: так, в «Мраморных утёсах» все ужасы служат очистительным огнём. В поздние годы Юнгер придерживается того же отношения к «современному помрачению». Господство гештальта рабочего исходит из земли, но и его преодоление также исходит из неё: требование нового истолкования есть требование самой Земли, что верно отмечает А. В. Михайловский: «В данном случае мы имеем дело с консервативной ре-волюцией (от *lat. re-volvere*), с сохраняющим возвращением/превращением, субъект которого — не человек. Власть титанов преодолевается в теллурическом измерении, через «революцию Земли» (*Erdrevolution*)»²².

Помимо «революции Земли», у Юнгера будет также «одухотворение Земли» (*Erdvergeistigung*)²³: у Юнгера не случайно часто встречаются образы Антея и Прометея. Дух, некогда оторвавшийся от земли (Гегель), вновь возвращается к ней: он становится стихией. Человек, титанически стоящий между Ураном и Геей, связывает их между собой (то же в «кресте» Хайдеггера): будучи сыном Земли, он призван внести в неё дух. Природа обрастает мифом через человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бертрам Э. Ницше: опыт мифологии / пер. с нем. А. П. Шурбелёва. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2013.
2. Гёте И. В. Избранные философские произведения / пер. с нем. А. И. Герцена. — Москва : Наука, 1964.
3. Козловски П. Миф о модерне: Поэтическая философия Эрнста Юнгера / пер. с нем. М. Б. Корчагиной, Е. Л. Петренко и Н. Н. Трубниковой. — Москва : Республика, 2002.
4. Кубин А. Другая сторона / пер. с нем. К. Белокурова. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2013.
5. Михайловский А. В. Миф, история, техника: размышления Эрнста Юнгера у «стены времени» // История философии. — 2010. — № 15. — С. 57–82.
6. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / пер. с нем. Н. Н. Полилов, К. А. Свасьян. Москва : Культурная Революция, 2012.
7. Платон. Сочинения в четырёх томах. Т. 1 / пер. с нем. В. С. Соловьёва. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
8. Шмитт К. Номос земли / пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008.
9. Юнгер Ф. Г. Греческие мифы / пер. с нем. А. П. Шурбелёва. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2006.
10. Юнгер Ф. Г. Язык и мышление / пер. с нем. К. В. Лощевского. — Санкт-Петербург : Наука, 2005.

²² Михайловский А. В. Миф, история, техника: размышления Эрнста Юнгера у «стены времени» // История философии. 2010. № 15. С. 65.

²³ Юнгер Э. Семьдесят минуло: дневники 1965-1970 / пер. с нем. Е. Воропаева. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2011. С. 29.